

ПРАВО

УДК 343 (470) (091)

Э.В. Георгиевский

ХАРАКТЕРИСТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ЕГО ДЕЙСТВИЯ

С позиций метода конкретно-исторического исследования анализируются процессы образования уголовно-правовых норм в древнерусском государстве, особенности кодификации, процедура принятия и вступления уголовных законов в силу. Рассматриваются характерные черты структурных элементов древнерусской уголовно-правовой нормы, специфика терминологического аппарата и виды законов. Освещаются действие древнерусских уголовных законов в отношении определенного круга лиц, а также формирующиеся основные принципы действия во времени и пространстве.

Ключевые слова: древнерусское уголовное право; Древняя Русь; закон.

Термин «закон» в Древнерусском государстве не был достаточно устойчивым и первоначально, наряду с другими («пошлина», «старина»), обозначал обычай. «Слово “закон”, как и слово “покон”, – пишет В.И. Сергеевич, – означая одинаково обычай, происходит от слова “кон”, которое значит начало, а вместе с тем предел, границу и некоторое определенное место в известных границах...» [1. С. 11]. Как и у салических франков, «*Lex salica*» обозначал не только письменный позитивный законодательный акт, но и живой народный обычай, так и на Руси термин «закон» обозначал «живые, всем известные обычаи» [Там же. С. 12]. С точки зрения В.Г. Графского, слово «закон» имело в большей степени значение морально-нравственное, чем узкополитическое, и такое понимание закона вполне уживалось с догосударственным общественным бытом, основанным на традиции и обычном праве [2. С. 129].

Однако, по мнению В.И. Сергеевича, так было до тех пор, пока на Руси не начало распространяться право византийское, жестко противопоставившее народному термину «обычай» термин «*nomos*» как императорское установление, не знакомое русским и ничего общего с обычаем не имеющее. При переводе данного термина все чаще стали использовать слово «закон» [1. С. 12–13]. Б.А. Осипян отмечает, что в слово «закон» закладывались уже с момента крещения Руси измерения очень высокого порядка: духовного и нравственного. И произошло это в силу открытости Древней Руси и огромному желанию русского народа впитать все самое ценное из культуры и права своих восточных и западных соседей [3. С. 652].

Уже с X в. наши предки слово «закон» употребляют в значении «продукт законодательной деятельности», очевидно, в том числе княжеской законотворческой. Так, во всяком случае, считает Л.В. Черепнин, полагающий, что договоры русских князей с греками под «законом» подразумевали «правду» как право или комплекс юридических норм, а под «уставом» – их запись, письменный текст [4. С. 141].

Княжеские «уставы», «указы» и «уроки» являются вторым по значимости источником древнерусского права после обычая. И если указ означал приказ князя, то уложение, а иногда и урок означали княжеское установление [1. С. 16–17].

Процесс нормообразования не носит одномоментный характер и является достаточно сложной и дли-

тельной процедурой, испытывающей постоянное влияние различных сопутствующих процессов социально-экономического, политического, этнического и международного характера. Особенно подвержены этому влиянию государственные образования, находящиеся на той стадии развития, когда право позитивное лишь начинает «прорастать первыми ростками». Не является в этом плане исключением и Древнерусское государство. Но если первый позитивный опыт в области права и закона уголовного в Древней Руси мы можем наблюдать благодаря письменной истории по ряду законодательных актов, то этого же, к сожалению, мы не можем сделать, говоря о протоправе (протозаконе) наших предков в догосударственном прошлом. Что касается Древней Руси периода государственного становления, то проследить процесс нормообразования здесь гораздо проще, поскольку на помощь приходят письменные источники права.

Так, первым национальным письменным памятником права следует признать Устав князя Владимира о церковной десятине. В статье девятой Устава перечислены религиозные посягательства на основы православия и обрядовые церковные практики. Однако подобное перечисление видов преступных посягательств вряд ли можно признать нормативным. Отсутствие санкций в девятой статье Устава князя Владимира, возможно, компенсировалось указанием в статье двенадцатой на то, что «аже кто преобидит наш устав, таковым не прощенным бытии от закона божия и горе себе наследуют» [5. С. 23]. Н.А. Семидеркин полагает, что положение, содержащееся в данной статье, сформулировано скорее не как норма права, а как правило морали, но предполагает, что адресовалась эта статья мирянам, нарушившим запреты Устава [6. С. 162].

Мы полагаем, что поскольку в основе Устава лежала грамота (завет) Владимира, то нет ничего удивительного в ненормативном построении этого законодательного акта. Все составы перечисляются в одной статье, в нескольких других осуществляется общее санкционирование – каноническое и собственно церковное. К тому же статья четырнадцатая, на наш взгляд, свидетельствует о двойственности наказания. С одной стороны, в ней говорится о плате за нарушение норм устава собою, что могло предполагать светское наказание. А с другой стороны, присутствует добавление: «а перед

богом томоу же отвечать на страшном суде». К тому же есть указание в статьях восьмой и восемнадцатой на общность суда [5. С. 23–24]. Возможно, что девятая статья Устава князя Владимира носила просто отсылочный характер, предполагая в каждом конкретном случае использование других законодательных актов церковного характера.

В отличие от Устава князя Владимира, Устав князя Ярослава о церковных судах как раз отличается нормативным построением, осуществляемым по типу логической импликации, характерной для каждой статьи в отдельности. Именно таким образом строились нормы в законодательстве практически всех древних народов. Двучленная норма начиналась союзом «если» («аще», «аже», «оже») и соединяла в одно семантическое целое вопрос и ответ на этот вопрос. Причем если союз «аще» являлся старославянским и относился к славянизмам, которые не так часто использовались в законах, то союз «оже» был русским.

Сложные предложения с придаточным условия были очень распространены в деловой письменности Древней Руси. Именно в них применялись разнообразные условные союзы [7. С. 100]. «Первая часть нормы – гипотеза – есть вопрос: является ли тот или иной виновным, произошло или не произошло событие, что есть то или иное по своей сути; а вторая часть древней нормы – ответ на поставленный в гипотезе вопрос... Юристы объясняют такой характер древних норм неразвитой еще формой сознания человека; обобщение, высшей степенью которого является идеальная абстракция, древнему было еще недоступно, поэтому человек прибегал к конкретизации своей речи, юридической в том числе» [8. С. 14–15].

Древнейшая Правда князя Ярослава, относимая по времени к периоду его непосредственного правления, также построена по типу логической импликации, хотя союз «аще» или «оже» в ней употребляется далеко не в каждой норме. Ряд норм Древнейшей Правды начинается с непосредственного обозначения преступного деяния. Так, первая статья Древнейшей Правды начинается словами: «Убьет муж(ь) мужа, то...» [6. С. 47]. Такой способ изложения, согласно точке зрения И.В. Минникес, является казуальным [9. С. 12].

И мы совершенно согласны с данным утверждением. «Характерно, что казуальный способ кодифицирования, – пишет И.А. Исаев, – наиболее архаичный в истории мировой юридической практики и претендующий на исчерпывающее описание всех возможных ситуаций, приводил к созданию незначительных по объему правовых текстов. Это объясняется, прежде всего, тем, что законодатель в данном случае отбирал наиболее значимые, на его взгляд, казусы и ситуации, оставляя все другие на усмотрение правоприменителя...» [10. С. 6].

Согласно точке зрения Э. Аннерса, казуальное право начинает формироваться еще в родовом периоде развития человечества на основе так называемого примирительного права, которое создается на базе детального решения отдельных конфликтных случаев. Именно объективизмом и казуальностью характеризуется юридическая техника того времени, они являлись важными «исходными точками развития права» [11. С. 18–20].

Однако необходимо помнить, что в целом юридические тексты Древнерусского государства не были переизбыточены славянизмами, характерными в большей степени для произведений, написанных на церковнославянском языке. Согласно оценке, даваемой П.В. Владимировым, все светские законодательные памятники написаны простым, практически разговорным языком «вследствие близости к жизни» [12. С. 365]. Очень тонко подмеченная П.В. Владимировым близость светского юридического языка к жизни народа позволяет нам выделить еще одну характеристику древнерусского уголовного закона – его особую эмоциональность. Казалось бы, норма закона, в том числе и уголовного, должна быть начисто лишена каких бы то ни было переживаний, однако наши предки еще не могли при нормативном построении в полной мере избежать этого. Эмоциональная окраска содержимого уголовно-правовых норм проявляется не только в диспозициях статей при характеристике способа совершения преступления («пакощами», «погубит» и т.д.), но и в санкциях, например, «во пса место», что, по мнению некоторых исследователей, означало убить, как собаку.

Если говорить о характере диспозиций и санкций норм древнерусского уголовного законодательства, то в абсолютном своем большинстве диспозиции носят описательный характер, а санкции являются абсолютно определенными. Слишком большое значение при построении древнерусских уголовно-правовых норм играло описание способа совершения преступления, указание на предметы преступлений, орудия и средства, характер повреждений и т.д. Четкое же указание вида и размера санкций как минимум позволяло отграничивать один вид уголовного наказания от другого, что особенно актуально было для штрафных санкций. «Наказание времен Русской Правды, – пишет Н.А. Неклюдов, – не имеет никаких степеней – все ее законы суть безусловно определенные. Закон говорит постоянно категорически “а за голову 40 гривенъ”, “аже персть оутнетъ – 3 гривны” и т.п.» [13. С. 168].

В первых законодательных актах древнерусского государства, согласно данным И.С. Улуханова, уже начинают устойчиво формироваться многие, в том числе уголовно-правовые термины, такие как «вира», «продажа», обозначающие виды уголовных штрафов; «поток», «разграбеж», означающие виды наказаний; «послух», «видок», означающие свидетелей; «тать», «головник», означающие виды преступников [7. С. 101–102]. Мы хотели бы отметить, что в указанный период достаточно устойчивыми и вместе с тем очень емкими являются термины «обида», «мука», «сором», которые обозначают и преступление, и причиненный вред, и особое эмоциональное состояние, которое испытывает потерпевший от преступного действия. Кроме того, начинают формироваться некоторые устойчивые фразы, которые порой выходят за рамки узкого повседневногo назначения именно в законодательном тексте. Такими фразами являлись «правда дати», «а люди вылезут» [Там же. С. 102–103].

Дальнейшее развитие правовых конструкций (норм) осуществлялось путем максимального абстрагирования, чему в немалой степени способствовало появление толкований. «Законодатель переходил от описательно-

сти к жесткому артикулированию, – пишет И.А. Исаев, – которое даже поглощало саму ситуационную и казуальную реальность, заменяя “живой” язык юридической повседневности схоластическими, логическими и умозрительными схемами». Рождающаяся в таких условиях норма-предписание своей гипотезой отражала казуистическую традицию и тесную связь с реальными нуждами повседневной жизни [10. С. 6].

Очевидно, что процесс формирования древнерусского уголовного законодательства протекает совершенно определенным образом – от особенного к общему. Необходимо сразу же оговориться: попытка разделения нормативного материала на общепринятые в современном уголовном праве части была бы по меньшей мере бессмысленной. Нормы законодательства Древней Руси носят по преимуществу характер норм особенных, предусматривающих конкретные виды преступных деяний, в которых можно увидеть лишь некоторые зачатки положений Общей части, требующих, тем не менее, глубокого и всестороннего анализа. При этом некоторые нормы носят характер нормативного предписания для неограниченного числа подобного же рода случаев – нормы как общепринятые правила поведения. Другие в большей степени напоминают судебные княжеские решения по конкретным делам, ставшие, тем не менее, также нормативными предписаниями своеобразным прецедентным путем. Вот что по этому поводу пишет П. Колосовский: «История показывает, что казуистический способ происхождения есть общий первоначальный источник всякого законодательства. Происшествие, встретившееся в жизни, подвергается сначала судебному рассмотрению и потом в форме приговора записывается в юридический сборник. Таким путем один за другим вынимаются мало-помалу практические случаи, которые, не будучи возведены в родовое понятие, вместе со всеми частными признаками становятся достоянием права» [14. С. 89–90].

Еще одной особенностью кодификации Русской Правды является наличие в тексте так называемых парафраз, т.е. изложение слов законодателя кодификатором или повествователем от своего лица. Такова редакция статьи второй Пространной Правды, которая гласит: «По Ярославе же паки совкупившися сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» [15. С. 108]. По поводу парафраза в данной статье очень определенно выразился И.А. Малиновский: «Так не может говорить законодатель о себе самом, так может говорить посторонний человек о законодателе» [16. С. 27]. Окончательным выводом И.А. Малиновского является мнение о том, что Русская Правда – «не изданный князьями сборник законов, а сборник юридических норм, составленный частными лицами» [Там же].

Немаловажным вопросом, на наш взгляд, является определение принципов действия древнерусского уголовного права по кругу лиц. Прежде всего, обращает на себя внимание четкая адресность практически всех древнерусских законов, содержащих нормы уголовно-правового характера. То есть фактически речь идет о

том круге лиц, на которых распространяли действие эти законы, а также о тех, кто эти законы создавал, от чьего имени они принимались или кто мог их изменять.

Так, например, договор Руси и Византии 911 г. заключался от имени всего русского народа «и от всех, иже суть под рукою его» [15. С. 6]. Примерно такое же положение содержалось и в Договоре Руси и Византии 944 г.: «...и от всех людий Руския земля» [Там же. С. 31]. То же самое касается и ряда договоров русских городов с немцами, которые заключались, в том числе, от имени всех горожан. По мнению В.Я. Петрухина, такая правовая формула, получившая наименование «ряд», была присуща очень многим подобным законодательным актам Древней Руси, имела особый правовой характер и определяла правомочность отношений, устанавливаемых от имени всей общины («всего мира») [17. С. 105–106].

Круг лиц, на которых распространялось действие практически всех международно-правовых договоров Древней Руси, также был очерчен достаточно четко. Это были торгующие русы, греки и немцы, послы, члены посольств, купцы, попы, просто жители Руси, Византии, немецких земель. И подобная дифференциация лиц осуществлялась, прежде всего, по государственно-правовому положению. В Русской Правде также упоминаются иностранцы. Это варяги и колбяги, совершение преступления против которых не влекло никакого наказания только в тех случаях, когда они не были обеспечены особым международным договором, не состояли на княжеской службе или под исключительным покровительством закона [18. С. 56].

Значительно сокращается контингент лиц, причастных к принятию закона уже в Русской Правде. Это либо единолично князя, либо их дети, тысяцкие, посадники, «лучшие люди», но уже не «весь мир», не община. И, наверное, это было вполне объяснимо. Княжеские законодательные акты уже отличались государственно-властным выражением, стали сокращаться компромиссные с общиной нормы. Интересной и не лишеной смысла представляется точка зрения Б.А. Осипян, в соответствии с которой Русская Правда была разработана учеными-монахами греческого происхождения – «юристами в священнических рясах». «Тем не менее представляется, – пишет исследователь, – что этот соборный русский закон был писан не только для духовных лиц, но также и для остального населения, которое приняло христианскую веру и крещение. По вполне понятным причинам, среди которых уместно было бы назвать не очень развитую духовную грамотность недавно обратившихся из язычества в христианство русских правителей, отсутствие у русского духовенства стойких навыков ведения церковной службы и т.д., первые представители русского духовенства имели иностранное, в основном греко-армянское происхождение...» [3. С. 657].

Однако у такой достаточно распространенной точки зрения есть и противники. Так, еще в 30-х гг. прошлого столетия академик С.П. Обнорский, изучив особенности языка нескольких списков Синодальной группы Пространной редакции Русской Правды, отмечал, что сами по себе списки Синодальной группы представляют собой не позднейшую по происхождению, а основ-

ную, первичного сложения, редакцию Правды. «Эта редакция принадлежала начальной поре деятельности князя Ярослава, – пишет С.П. Обнорский, – и может быть возводима к самому началу XI века; памятник составлен был в Новгороде; составителем Правды был кто-либо из советников Ярослава, отнюдь не лицо из класса духовенства; на долю составителя Правды выпало мало труда собственно авторского, составитель Правды скорее был редактором данного сборника, скомпоновавшим в нем и доставшиеся из старины, может быть, в свое время (X в.) бывшие и зафиксированными в более раннем сборнике судебные обычаи и соответственные казусы судебного порядка своего времени» [19. С. 140–141]. Более того, сам текст памятника, относимый к старшему периоду жизни русского языка, свидетельствует о наличии в тексте характерных русских черт, в своей совокупности дающих тип речи, чуждой книжных элементов и лишенной следов болгаро-византийского воздействия. И если уж говорить о каком-либо литературном влиянии на Русскую Правду, то речь можно вести лишь о германском воздействии [Там же. С. 142–144].

Утверждались древнерусские законы (по современной правовой терминологии – принимались) главами государств (правителями). Так, например, договоры Руси и Византии со стороны греков утверждались константинопольскими царями (базилевсами), а со стороны русских – князьями. Символическими актами утверждения договоров являлась клятва на оружии со стороны русских, а со стороны греческой, вероятно, осуществлялось целование креста [9. С. 11]. В соответствии с процедурой принятия Договора 907 г. самого князя Олега и его дружинников водили для заключения присяги по Закону Русскому, которая предполагала клятву не только на оружии, но и богами языческими – Перуном, Велесом и др. [20. С. 9]. В этом смысле нам представляется очень интересным и показательным замечание, которое делает А. Шлецер в своем обращении к графу В.Г. Воронцову. Исследователь, впервые опубликовавший Русскую Правду, пишет, что историку не может быть прощено, если он не упомянет о том, что князь Ярослав был «первый у своего народа Законодатель» [21. С. А5].

Немалый интерес вызывает и вопрос о вступлении древнерусских законов в силу. Мы не совсем согласны с позицией В.Е. Лоба и С.Н. Малахова, утверждающих, что, например, нормы Русской Правды вступали в законную силу с момента их письменного закрепления [18. С. 54–55]. Возможно, многочисленные изменения, которым подвергались различные редакции Русской Правды, действительно не требовали их оглашения народу. А процедура подписания закона, так же как и внесения в него изменений, приравнивалась к процедуре принятия. Но первоначально любой закон, для того чтобы считаться вступившим в силу, должен был быть как минимум «заповещен на торгу».

Другой вопрос, что далеко не все, не всегда и не в полном объеме воспринимали эти узаконения княжеской власти, но слышавшие передавали другим из уст в уста. «Обнародование закона, – пишет А.И. Бойцов, – тесно связано с презумпцией правознакомства, которая, по всей вероятности, явилась первой юридической

презумпцией в истории права, поскольку в период господства обычного права и изузной традиции воспитание и другие инструменты социализации ориентировали всякого, принадлежащего к данному коллективу, в том, что есть должное и недолжное, тогда как с началом писанного права (особенно если оно противоречило многовековой и общепризнанной традиции) положение должно было измениться, так как вполне допустимой сделалась ссылка на неграмотность, недоступность информации и другие обстоятельства, позволяющие отговориться неведением в случае нарушения какого-либо запрета» [22. С. 63]. По мнению ученого, именно этот факт послужил толчком к тому, что законы начали фиксировать в формах, позволяющих им быть общедоступными, – наносить на стены, деревянные доски, каменные плиты и выставлять возле мест, где обычно осуществлялось правосудие [Там же].

Что же касается типов действия древнерусских уголовных законов во времени, то ответить со всей очевидностью на этот вопрос сегодня сложно. Придавалась ли нормам, вступающим в силу, сила, обратная в отношении всех деяний или же только тех, которые могли быть смягчены, «переживали» ли себя старые законы? Согласно точке зрения Л.Ю. Перовой, отсутствие единообразия в принятии древних законов, их обнародования и применения не могло послужить и выработке каких-либо правил их действия во времени. «Поэтому когда издавался новый закон, ему придавалась обратная сила независимо от того, был ли он более строгим или более мягким и, несмотря на то, было ли деяние вообще наказуемым в момент его совершения» [23. С. 108].

Ну а о существовании принципа немедленного действия или прямой силы древнерусского уголовного законодательства можно судить опять-таки исходя из анализа нормативного построения. Так, договариваясь о дружеских и мирных отношениях с греками, русские князья клялись «впредь» (на будущее, вперед) соблюдать безупречную дружбу, закрепляя ее письменным договором и подтверждая присягой. Так формулировались не только общие положения: «Что же касается преступлений, если случится злодеяние, договоримся так... пусть наказание будет соответствовать характеру преступления». Но и практически все положения особенного характера, отраженные в договорах, нормативно формулировались в будущем времени: «Если кто-либо убьет (кого-либо)», «...побьет», «...будет украден» и т.д. [15. С. 11–14]. К слову сказать, подобным же образом формулировались многие нормы Русской Правды и церковных Уставов великих князей [15. С. 77–80, 259–262].

Что же касается прекращения действия древнерусских уголовных законов, то, очевидно, что, например, договоры Руси и Византии, а также договоры русских городов с немецкими городами и землями действовали до тех пор, пока существовали мирные отношения. Русская Правда в ее различных редакциях просуществовала несколько столетий. По справедливому замечанию А.И. Бойцова, традиционно подавляющее большинство уголовных законов имеют неопределенно длительный срок действия [22. С. 66].

Вполне зримо очерчивались в Древней Руси контуры пространственного действия уголовного законода-

тельства. Наиболее ярко проявлялся территориальный принцип действия уголовного законодательства. Согласно точке зрения В.Е. Лоба и С.Н. Малахова, нормы Русской Правды распространились по всей территории Руси как единого государства, не ограничиваясь каким-то одним регионом после 1036 г., когда окончательно были разгромлены печенеги [18. С. 55].

До этого момента положение вещей было несколько иным. Интересную мысль по поводу краткой редакции Русской Правды высказывает Н.А. Максимейко. Так, в частности, исследователь полагает, что Древнейшая Правда и Домениальный Устав отделены друг от друга не временем создания, а местом их действия. «Мне кажется, – пишет исследователь, – что названные части Краткой Правды отделяются одна от другой не столько временем их составления, сколько областными различиями права, в них отразившегося. Именно первая половина ее, по-видимому, есть памятник Новгородского права, тогда как вторая принадлежит к системе права, по всей вероятности, действовавшего в Киевской Руси» [24. С. 1]. Вопрос о том, где имела силу Русская Правда, С.В. Пахман совмещает с более общим по смыслу вопросом – была ли она общим или местным источником древнерусского права. Отмечая, что Русская Правда была общим источником, С.В. Пахман мотивирует это тем, что, во-первых, в более поздних законодательных актах о Русской Правде нигде не упоминается, чего не могло быть, если бы Русская Правда не являлась их основным источником. Во-вторых, Ярославичи, правившие в разных областях Руси и делавшие в Правде изменения, делали это с общего согласия и вместе с боярами киевскими, черниговскими, переяславскими. «Очевидно, – пишет исследователь, – что делать изменения в Правде не было бы никакой надобности, если бы в этих областях она не имела практической силы» [25. С. 210].

Абсолютно иная ситуация складывается с другими законодательными актами Древней Руси. Так, например, совершенно очевидно, что территорией Псковской и Новгородской феодальных республик ограничивалось действие Псковской и Новгородской судебных грамот. Территорией конкретных, в основном северных земель ограничивалось действие актов наместничьего управления. Впрочем, под территорией Древней Руси в международно-правовом смысле, очевидно, понимались и лады, на которых осуществлялись военные походы и путешествия [18. С. 56–57]. Так, например, А.Н. Филиппов считает, что в договорах Руси и Византии уже начало оформляться береговое право как часть международно-публичного права, в соответствии с которым и корабли, и товар, и лица, на них находящиеся, относились к исключительной юрисдикции двух договаривающихся государств, каждое из которых обязывалось оказывать полное содействие в их сохранении в зоне своего влияния [26. С. 61–62].

Развивается в Древней Руси еще один принцип действия уголовного закона в пространстве – принцип экстрадиции, или международный принцип выдачи преступников, что, на наш взгляд, является вполне очевидным, так как Древнерусское государство осуществляет достаточно интенсивную деятельность в области международно-правовых отношений. И наиболее ярким отражением данного принципа являлась статья

четырнадцатая договора Олега с греками 911 г. Статья гласила: «Между торгующими руссами и различными приходящими в Грецию и проживающими там, ежели будет преступник и должен быть возвращен в Русь, то руссы об этом должны жаловаться христианскому царю, тогда возьмут такового и возвратят его в Русь насильно» [27. С. 79]. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, процесс подобной передачи в обе стороны осуществлялся только после того, как было отправлено правосудие в Византии над виновным греком, и только потом его передавали русским для осуществления кровной мести. Русы же передавали своих соплеменников грекам после признания их виновными для осуществления там смертной казни [28. С. 308–309].

Очень интересную, не лишённую смысла, однако достаточно спорную точку зрения на существование данной нормы высказывает К.С. Родионов. Исследователь полагает, что термин «удолжающих», используемый в тексте договора, первыми и последующими исследователями трактуется не совсем верно. Этот термин совершенно необоснованно связывается с терминами «преступник» и «злодей» как синонимами. Термин «злодей», согласно точке зрения этого ученого, никак не должен ассоциироваться с преступником. «На Руси так называли всякого, кто совершил какое-то злое дело» [29. С. 77]. В конечном итоге, полагает С.К. Родионов, статья четырнадцатая – это «адресная норма о должниках» [29. С. 78].

Мы в целом согласны с выводами автора, проведенного детальное исследование процесса выдачи в древнем праве, однако хотели бы отметить ряд моментов, которым, по нашему мнению, он уделил недостаточное внимание. Во-первых, разделение договора на статьи носит достаточно условный характер, иногда нормой могла быть и одна, какая-либо отдельная фраза. А.А. Зимин, вслед за А.А. Шахматовым, обращает внимание на то, что в статье четырнадцатой имеется «новый значительный пропуск», и как раз после фразы «о различных (людях), ходящих в Грецию и остающихся в долгу...» [15. С. 13–14]. Это привело к тому, что в последующем тексте имеется ряд противоречий. Мы полагаем, что, возможно, первая фраза является отдельной нормой о должниках, а последующий текст вполне может быть более общей нормой, касающейся выдачи именно уголовных преступников. Во-вторых, общее понятие преступного в указанный период обозначалось большим количеством терминов, в том числе под преступлением часто понимали «злодеяние».

По мнению А.В. Лонгинова, именно в договорных постановлениях о выдаче преступников наиболее рельефно проводится другой принцип действия закона в пространстве – территориальный. «По этому коренному принципу, – пишет исследователь, – право преследования, суда и наказания принадлежит государству, в котором возникло преступление» [30. С. 159]. Институт выдачи преступников очень тесно взаимодействует с еще одним институтом международного права – правом убежища, которое, по мнению ряда авторов, также начинает оформляться в эпоху Древнерусского государства [31. С. 33].

Продолжают развиваться начала экстрадиционной деятельности Древнерусского государства и в Русской

Правде в статье третьей Пространной редакции. Правда, речь в ней идет не о выдаче той или иной стороне представителей различных государств, а об обязанности общины разыскивать лицо, совершившее преступление, и выдавать его [18. С. 57].

Достаточно определенно решаются вопросы подсудности в зависимости от того, на какой территории совершено преступление, и в ряде договоров русских городов с немецкими городами. Так, в проекте Договора о торговле и суде 1269 г. говорится, что если поймать вора между Котлингом и Ладогой, то везти его в Ладогу для осуществления правосудия, а если вор будет пойман между Ладогой и Новгородом, то в Новгород [32. С. 59]. Здесь вполне очевидны попытки закрепления приоритета принципа территориальности. Однако в ряде случаев принцип территориальности корректировался желанием лица отвечать за содеянное в том месте, где оно совершило преступление. В Грамоте литовского князя Герденя о заключении им в качестве князя Полоцкого и Витебского мирного договора и установлении торговых отношений с Ригой и Готландом 22 декабря 1264 г. говорится: «А где будет кто кому виноват, в том городе правити, где тот человек живет; инде суда ему не искати, в которой волости человек извиниться, ту ему правда дати, или вина его» [33. С. 75]. Подобное являлось необходимостью, так как доставление виновного в то место, где он проживал, всегда было затратно и требовало много времени. Вероятно, именно поэтому уже через год в Грамоте Полоцкого князя Изяслава жителям Риги о свободной торговле и продолжении мирных сношений устанавливалось следующее положение: «А где кому годно, ту тяжеться» [33. С. 75].

Не осталась в стороне от вопросов регулирования древнерусского уголовного закона по кругу лиц, во времени и пространстве и древнерусская православная церковь. Вот как определяет сферу церковной юрисдикции один из выдающихся исследователей в этой области Я.Н. Шапов: «Церкви в Древней Руси принадлежало три больших круга судебных прав, определяемых структурой феодального общества. Это, во-первых, судебная власть над всем христианским населением Руси, но лишь по определенным делам, не подлежащим княжескому, светскому суду (тяжи епископские или церковные суды, по терминологии источников); во-вторых, право суда над некоторыми группами этого населения (церковные люди, по той же терминологии) независимо от территории, где они жили, но уже по всем делам, вернее, по тем делам, которые удалось захватить публичной властью; в-третьих, судебная власть над населением тех земель, которые были феодальной собственностью церковных организаций» [34. С. 99].

Подобная дифференциация осуществлена, во-первых, по объекту преступного посягательства, во-вторых, по субъекту возможного посягательства и, в-третьих, по территориальному принципу.

Прежде всего, бросается в глаза четко выраженная территориальность действия церковных законов и круг лиц, на которых распространяется это действие, опять-таки в зависимости от того, где проживают эти лица территориально. Так, по делам первой категории (пре-

ступления, не подлежащие княжескому (светскому) суду) речь идет о любом лице и любой территории. Во втором случае категория дел не ограничивается, впрочем, как и территория, но строго ограничен круг лиц (церковные люди). Третья же категория судебных дел, выделяемая Я.Н. Шаповым, наоборот, очень четко замкнута на категории лиц и земле, которая является исключительной феодальной собственностью церкви. В первых двух случаях церковь выступает «как особый орган государственной власти, ведающий определенным кругом дел на всей территории государства». В последнем церковь является вотчинником со всеми вытекающими отсюда последствиями [34. С. 106].

Особого внимания заслуживают несколько очень интересных документов, вызывающих, тем не менее, много споров о природе своего происхождения и относящихся к сфере церковной юрисдикции – Запись «О бесчестии», Запись «О уставленьи татьбы» и «Туровская уставная запись».

Запись «О бесчестии», которая может быть отнесена к XII–XIII вв., представляет собой установление о размерах и формах денежного возмещения за оскорбление, причиненное в результате побоев. Размер взыскания за подобное посягательство зависел от наследственного сословного состояния потерпевшего, несколько поколений которого по женской линии имели право получать его «в золоте», т.е. в очень больших размерах [5. С. 197]. На первый взгляд позиция церковного законодателя, распространяющего таким своеобразным способом действие уголовно-правовой нормы, а точнее ее санкции в виде штрафа на несколько поколений потерпевшего, может показаться странной. Однако на самом деле подобная ситуация не является необычной. В церковных уставах великих князей Владимира и Ярослава этот прием также используется. Но только не в отношении отдельных норм, а применительно к действию всего законодательного акта. Так, в Уставе князя Владимира Синодальной редакции в статье девятнадцатой указывается распространение действия устава не только на современников Владимира, но даже на его «правнучат». Кроме того, в статьях 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13 и т.д. указывается на авторов закона, вид юрисдикции, на какой круг лиц и на какую территорию он распространяется, а также осуществляется общее санкционирование на случай нарушения норм устава [6. С. 148–150].

Запись «О уставленьи татьбы» датируется XIII–XIV вв. и, согласно мнению Я.Н. Шапова, представляет собой запись процессуальной нормы в особом случае кражи, когда украденное («лице татьбы») и сам тать оказываются на территории другой области («страны»), т.е. не там, где была совершена кража [5. С. 198]. Действительно, похоже, что речь в Записи идет только о территории Древней Руси. Об этом свидетельствует последняя фраза документа, где устанавливаются территориальные пределы его действия, «се же оуправление да держится всякому властелю, и градскому, и весьскому» [5. С. 199]. Однако мы полагаем, что помимо процессуального характера данный документ носит ярко выраженный уголовно-материальный характер, так как определяет пределы действия данного законодательного акта, место нахождения преступника и

предметов, добытых преступным путем, а самое главное, место совершения преступления.

Так, в первой части Записи речь идет о ситуации, когда на территории другой области (возможно, другого княжества или земли) оказываются преступник и предметы, добытые преступным путем. В этом случае продажа назначается «первой страны властелю». Хотя необходимо отметить, что достойная пошлина «от лица татьбы» идет и властителю «принявшей» татья области. Во второй части документа говорится, что если «преступник-гастролер» совершает кражу на территории другой области, то тогда наказание (продажу) властитель этой территории назначает в свою пользу. Однако если властитель первой страны заявит свои права на наказание преступника, то он может «оувесть продажу», все проданное и награбленное возвратится в этом случае к нему. Кроме того, «и надь покрадшим татемь первый властель волю иматъ: или продажи достоинь будеть, или муки» [5. С. 199]. В данном случае санкция является альтернативной – либо денежный штраф, либо, очевидно, телесное наказание.

Очень показательна иллюстрирует специфику действия уголовного закона во времени еще один анонимный документ под названием «Туровская уставная запись», который представляет собой запись обычая, сложившегося во взаимоотношениях княжеской и церковной властей в Туровской земле середины XIV в. Одной из особенностей этого обычая являлось установление, в соответствии с которым если кража (очевидно, любая, а не только церковная) совершалась в течение определенного времени – неделя до Петрова дня и неделя после Петрова дня, то приоритет в ее рассмотрении и назначении наказания отдавался церкви [5. С. 200].

Регламентирует вопросы, связанные с действием уголовного закона во времени и пространстве, и Правосудие митрополичье, двадцать первая статья которого решает вопросы, связанные с местом совершения преступления и местом задержания преступника. В отличие от положений, устанавливаемых Записью «О уставленьи татьбы», схваченный в другой земле бежавший холоп или вор с поличным, должны направляться для суда к своему судье. А двадцать вторая статья Правосудия устанавливает сроки давности. Фактически это чуть ли не первое в истории русского уголовного права упоминание о конкретных сроках давности привлечения лица к уголовной ответственности. Давность устанавливалась сроком в три года независимо от вида преступления или ставилась в зависимость от правления того или иного господина виновного лица («ли что деялся при ином князе ли властелине, того не искати») [35. С. 427].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно отметить следующие основные моменты. Процесс нормообразования в Древней Руси имеет свои особенности. В его основу положен казуальный способ формирования нормы, что было свойственно практически всем государственным образованиям периода их становления. За небольшим исключением в некоторых законодательных актах древнерусская норма была двучленной, включая в себя вопрос и ответ на этот вопрос, построенные по типу логической импликации. С точки зрения современного русского языка такие нормы строились по типу сложного предложения с придаточ-

ным условия и содержали в себе условные союзы «аще», «аже» или «оже». Несмотря на достаточно объемный (казуальный) способ формирования уголовно-правовых норм, древнерусскому законодателю удавалось избегать построения огромных текстов, что, очевидно, было связано с избирательностью в отношении фиксации казусов.

По характеру диспозиций древнерусские уголовно-правовые нормы в основном являлись описательными, а по характеру санкций – абсолютно-определенными. Однако, несмотря на достаточную сложность юридической техники, применяемой для составления законодательных текстов, они, по свидетельству исследователей, были очень близки и понятны простому народу. Более того, древнерусская уголовно-правовая норма была достаточно «эмоциональна», отражая не только в диспозиции, но и в санкции неприятие преступления. В первых законодательных актах продолжает формироваться достаточно устойчивый терминологический уголовно-правовой аппарат.

Древнерусское уголовное законодательство вполне отчетливо действует в отношении различных категорий лиц, практически в каждом законодательном акте персонализируя субъектов преступлений и потерпевших. Кроме этого, одной из особенностей древнерусского уголовного законодательства является четкое указание на лиц, принимавших закон, и последствия невыполнения законодательных установлений. Так, например, практически все международно-правовые договоры Древней Руси принимались от имени не только князей, но и лучших людей, горожан, а в ряде случаев вообще от имени всего народа русского, что косвенно может свидетельствовать о формировании такого признака закона, как его всенародность.

Начинают формироваться первые принципы действия уголовного закона во времени и пространстве. Прежде всего, древнерусские уголовные законы предназначены для всеобщего ознакомления с ними, чего не требовали нормы обычного права, «органически» присущие нашим предкам. С этой целью законы обнародовались – заповещались на торгу, записывались на различные материальные носители. Тем не менее это не всегда было эффективным, так как большое количество народа было безграмотным, часто изолированным территориально. Все это способствовало появлению одной из первых юридических презумпций – презумпции правознакомства. Уголовные законы Древней Руси принимались вперед («впредь») на неопределенно длительное время. А будучи первыми позитивными законами, вероятнее всего, имели неограниченную обратную силу, распространяя свои положения на все деяния, имевшие место до их вступления в законную силу.

Законы, принимаемые великими князьями, действовали на всей территории Руси. Законы, принимаемые удельными правителями, имели, как правило, ограниченный пространственный спектр действия, будучи напрямую зависимы от территории того или иного княжества или просто от воли определенного удельного правителя. Тем не менее один из основных принципов действия уголовного закона в пространстве – принцип земли, был уже известен нашим предкам в достаточной степени.

Тот факт, что Древнерусское государство осуществляло достаточно интенсивную международную деятельность, в немалой степени способствовал тому, что международно-правовые нормы становились ис-

точником национального уголовного права. Формулировались специфические положения, определяющие, например, начала экстрадиционной деятельности и института духовного убежища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / ред. и предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 448 с.
2. *Графский В.Г.* Представления о власти и законе в средневековой Руси: Римско-Византийские влияния // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика : IX Междунар. семинар ист. исследований «От Рима к третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М. : Институт российской истории РАН, 1995. С. 120–136.
3. *Осиян Б.А.* «Русская Правда» как первоисточник российского права // Lex Russica. 2011. № 4 (июль). С. 651–667.
4. *Древнерусское государство и его международное значение* / А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин и др. ; под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. М. : Наука, 1965. 474 с.
5. *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / изд. подгот. Я.Н. Щапов. М. : Наука, 1976. 240 с.
6. *Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент.* : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 430 с.
7. *Улукханов И.С.* О языке Древней Руси. М. : Наука, 1972. 134 с.
8. *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
9. *Минникус И.В.* Источники российского права: исторический экскурс // Академический юридический журнал. 2007. № 4 (30). С. 10–13.
10. *Исаев И.А.* Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 4–10.
11. *Аннерс Э.* История европейского права : пер. со швед. М. : Наука, 1994. 397 с.
12. *Владимиров П.В.* Древняя русская литература киевского периода XI–XIII веков. Киев : Типография киевского университета св. Владимира, 1900. 375 с., прил.
13. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1 / прим. Н. Неклюдова. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
14. *Колосовский П.* Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому уголовному праву. М. : В тип. Т.Т. Волкова и К., 1857. 290 с., VI с.
15. *Памятники русского права* : в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. 287 с.
16. *Малиновский И.А.* Древности русского права: Курс, читанный проф. И.А. Малиновским в 1918/19 академических годах в Донском археологическом институте. Ростов н/Д, 1919. 460 с.
17. *Из истории русской культуры.* Т. 1 : Древняя Русь / А. Кошелев, В. Петрукин. М. : Языки русской культуры, 2000. 760 с.
18. *Лоба В.Е., Малахов С.Н.* Уголовное право древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды). Армавир : РИО АГПА, 2011. 176 с.
19. *Обнорский С.П.* Избранные работы по русскому языку. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. 354 с.
20. *Кудимов А.В., Шафиев М.М.* Источники права Древней Руси // История государства и права. 2006. № 10. С. 9–10.
21. *Шлецер А.* Правда Русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. СПб. : При императорской академии наук, 1767. 33 с.
22. *Бойцов А.И.* Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1995. 257 с.
23. *Перова Л.Ю.* Действие уголовного закона во времени: исторический аспект // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 6. С. 107–114.
24. *Максимейко Н.А.* Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1 : Краткая редакция. Харьков : Тип. и литография М. Зильберберг и сыновья, 1914. 217 с.
25. *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права : в 2 т. СПб. : В тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. Т. 1. 472 с.
26. *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Юрьев : Печатано в тип. К. Маттисена, 1907. Ч. 1. 732 с.
27. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб. : Лань, 1999. 640 с.
28. *Владимирский-Буданов М.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.
29. *Родионов К.С.* Была ли в Договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? // Государство и право. 2006. № 3. С. 77.
30. *Лонгинов А.В.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. Одесса : Экон. тип., 1904. 163 с.
31. *Струк Ю.Б.* История формирования института выдачи лиц, совершивших преступление // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 7, № 25. С. 31–38.
32. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / под ред. С.Н. Валка. М. : Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. 408 с.
33. *Белоруссия в эпоху феодализма* : сб. документов и материалов : в 3 т. Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII в. / сост. З.Ю. Копысский, М.Ф. Залого. Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1959. 515 с.
34. *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. М. : Наука, 1989. 232 с.
35. *Памятники русского права* : в 8 вып. / под ред. Л.В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1955. Вып. 3 : Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. 527 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2013 г.